
Елизавета Смирнова
«Так, как должно быть».
Часть вторая:
«Одержимость»
18+

Елизавета Смирнова

«Так, как должно быть». Часть вторая: «Одержимость»

https://litres.ru/74859959
SelfPub; 2026

Аннотация

"Ты моя галлюцинация". — "Я — твоя лучшая часть". Он — демон, который триста лет слушал крики людей. Она — женщина, которая полтора года кричала в пустоту. Встреча в красном коридоре снов изменила правила игры. Теперь он учится быть нежным по учебникам человеческой психологии, а она — учится доверять тому, кто пахнет озоном и безумием. Архитекторы хотят их стереть. Но вы когда-нибудь пробовали забрать добычу у двух существ, которым нечего терять?

«Так, как должно быть». Часть вторая: «Одержимость»

«Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине…» (М.Ю. Лермонтов)

Глава первая. Корона из пластика

Сцена 0. Изнанка

Серверная пахла озоном, плавящимся пластиком и растворимым кофе. На этот раз — три дня подряд — кофе был свежим. Эклин варил его без нужды: у операторов нет вкуса. Он варил, потому что руки требовали движения, а движение требовал конфликт, который нельзя было записать ни в один реестр.

Строка «Группа 3. Карина» не гасла на развороте «Книги Вероятностей». Она мигала — как лампочка перед перегоранием. Как сердце перед приступом.

Лорн лежал на диване, обитом тканью, которую никто не видел двести лет, и смотрел в потолок. Смотрел уже сорок минут. Операторы не умеют мечтательно смотреть в потолок — для этого нужно то, чего у них нет: внутри должна быть пустота, которая тянет.

— Ты не листаешь книгу, — сказал Эклин.

— Она сама листается, — отозвался Лорн. — Открывается на одной странице. Каждый раз на одной.

— Ты открываешь её сам.

— Проверь. Я согласен на вскрытие.

Эклин провёл пальцем над разворотом. Строка вынырнула снова. Рыжий волос, паспортные данные, три группы диагнозов, год наблюдения — и новое поле, которого раньше не было. Сеть дописала его сама: «Объект демонстрирует положительную динамику. Причина — не установлена».

— Не установлена, — прочитал Эклин вслух.

— Установлена, — Лорн сел. От него потянуло сладковатой гнилью — так пахнет нагретая пыль на лампе. — Причина — она. Она стала причиной. Впервые в истории протокола человек стал причиной, а не следствием.

Эклин захлопнул книгу. Пахнуло расплавленным пластиком.

— Она тщеславна.

— Она жива.

— Она продаёт массажёры бабушкам.

— Она продаёт их красиво, — Лорн встал, и его красный свет дрогнул, как угли при раздувании. — Ты видел, как она говорит «за внучку не грех»? Она врёт с такой архитектурой, что ложь отстраивается на срок. Холод, я три века слушал слова. Ни одно из них не было таким — долгим.

— Слова — твой инструмент, Лорн. Не путай инструмент с чудом.

— А ты не путай мигрень с мыслью, — огрызнулся Лорн.

Эклин не ответил. Он смотрел на закрытую книгу и думал о другом: раньше строка «Группа 3» мигала сама. Теперь мигала она — в такт чьему-то чужому пульсу. Оператор обязан был это заметить. Оператор обязан был это записать.

Он не записал.

Сцена 1. Эфир

В квартире пахло гарью от перегретого ноутбука, старым чаем и вчерашним супом. Пахло жизнью, из которой она не собиралась выходить.

Карина сидела за столом, и перед ней горел монитор эфира. Гарнитура сжимала виски — шея и жёсткий воротник спорили за право давить первым, — но голос её был ровным, тёплым, витаминным.

— Вы только посмотрите на этот чудо-массажёр! — говорила она в микрофон, и голос сочился мёдом и властью. — Для вас, как для пенсионера, действует специальная цена. Не пять тысяч, а всего шесть, но разделим на три части. Это даже не кредит, это просто график лояльности. Первый взнос — когда вам будет удобно.

На другом конце линии, за сорок километров, у бабушки Зои дрожали руки. Карина слышала это дрожание через паузы — паузы были как щели в половице: туда сваливается всё, что человек решил не говорить вслух.

— Мне для внучки, — сказала бабушка Зоя. — Она на

ногах тяжёлых работает. Смену всю стоит.

— Конечно, берите, — Карина улыбнулась в микрофон. — За внучку не грех. И доставка за наш счёт, просто подтвердите согласие.

Кнопка «Оформить». Щелчок.

Она нажала его и на секунду осталась одна. Слышно было, как гудит холодильник — уставший зверь. Она смотрела на своё отражение в затемнённом мониторе — тёмный силуэт с идеальной укладкой — и видела не инвалида. Она видела хищника, который обманул Систему.

Она стала тщеславной. Не «Гуччи» — идеальной укладкой каждое утро. Дорогой помадой, которая стоила как чей-то взнос по её же «графику лояльности». Она начала презирать «обычных» людей — серых, влажных теней, которые верили в скидки и молились на курс валют. От неё пахло не страхом, как раньше. От неё пахло озоном и сталью.

Иногда, укладывая волосы, она ловила себя на странной мысли: раньше она просила — о здоровье, о деньгах, о том, чтобы просто перестало болеть. Теперь не просила ни о чём. И в пустоте, где раньше была мольба, росло что-то холодное и голодное. Она называла это свободой.

На карнизе, в облике старого мокрого голубя, сидел Лорн. Его красный свет в дневной квартире казался почти чёрным. Он слушал, как она дышит после «Оформить» — коротко, победно, как после забега.

«Она даже врёт красиво, — думал он. — Первая за триста

лет, кто врёт красиво».

Голубь на карнизе не шевелился. Если бы мимо шёл человек, он сказал бы: птица мечтательная. Никто не сказал бы: птица смотрит на женщину через стекло и впервые не знает, что делать дальше.

Сцена 2. Сбои

Эклин не просто смотрел. Он работал.

В среду у неё «случайно» отказал интернет — в разгар смены. В четверг банк задержал выплату на три дня. В пятницу соседка снизу написала жалобу на шум: формально безупречную, с датами, временем и подписью. Пахло старой макулатурой и праведной злостью.

Эклин выстраивал вокруг неё правильную жизнь. Мелкие неудачи. Аккуратные препятствия. Честную скуку. Так хирург ставит кость на место — грубо, но по прямой.

Он появлялся в квартире как холодный сквозняк, как сбой в матрице. Карина его не видела, но чувствовала. От него пахло озоном, и у неё начинала болеть голова.

«Опять мигрень, — думала она, массируя виски. — Ненавижу эту тишину. Она давит».

Он стоял в углу, где стены сходились под углом ровно в девяносто градусов, и считал. Считал её презрение, её помаду, её щелчки выключателей в чужих головах. По его уравнению она уходила от нуля — и не туда, куда позволял закон.

Но она не ломалась.

Она перезванивала сама. Находила обходные пути. На третий день задержки выплаты она позвонила в банк и говорила так, что на четвёртой минуте к трубке поднялся начальник смены. Деньги пришли к вечеру. Она смеялась: «Ну конечно, конечно, у меня всё и так прекрасно».

А Лорн работал против него — вольнее, грязнее, эффективнее. Он не правил миром. Он правил реестром. Там, где Эклин тратил киловатты на физические помехи, Лорн тратил чистоту протокола, подменяя вероятности. Это было грязнее, но било точнее.

Абонент, который собирался положить трубку, вдруг замирал и говорил: «А знаете, давайте два». Жалоба соседки исчезала из базы — не отменённая, а стёртая, как будто её никогда не писали. Пахло старым советским ковром и уверенностью в своей правоте — это был запах его работы. Начальство Карины, не понимая почему, поставило её в графу «лучший оператор месяца».

Он делал это не как охотник. Он делал это как человек, который подкладывает цветы под дверь и убегает, прежде чем она откроет.

Он ещё не знал, как это называется. У оболочек нет слова «влюбился». Есть только сбой: тратить свою идеальность на то, чтобы чужой день складывался красиво, и не требовать ничего взамен. Для Лорна это было чудовищно. Это было вкуснее всего.

Сцена 3. Ночная смена

Ночью Карина писала таблицы — столбцы заказов, итоги, проценты. Мигал курсор. За окном не спал только ламповый завод да пара таксистов.

В 02:14 у неё пропал звук в гарнитуре. Завтра эфир, а она не записала блок отработки возражений. Она выругалась — коротко, привычно, как выругаются с предметом, а не с людьми.

В 02:15 на почту пришло письмо. Без адреса отправителя. Просто файл: тот самый блок, записанный чужим голосом. Голос был низкий, с помехами, как радиостанция на границе зон. Но возражения он отрабатывал лучше её наставника.

Карина прослушала три раза. На четвёртый сказала в пустую комнату:

— Это что, благотворительность? Или я теперь в каком-то реестре?

Холодильник промолчал. Но в отражении монитора что-то дрогнуло — как от первого вздоха.

А в Изнанке Лорн сидел на своём диване и репетировал. Голос он взял из чужих разговоров, склеил из сотен, как сшивают пальто из лоскутов. Он не умел говорить «мне приятно с тобой». Он умел говорить «ваш заказ подтверждён». Поэтому он учился — для неё, по чужим записям, как школьник у репетитора.

Он отбирал слова по звуку. «Безусловно» — слишком казённое. «Согласна» — не её. «Понимаю» — холодное. Он

выстраивал интонацию так, чтобы она звучала как забота, но не признавалась в этом. Триста лет он жал строки в чужих картах — и вот теперь сам стоял перед строкой, в которую не разрешали вписать ни единой буквы.

Эклин заметил это первым. Оператор вообще замечает первым — поэтому операторы и не влюбляются: некуда девать то, что видишь.

— Ты что-то записываешь, — сказал Эклин. Не спросил.

— Тренируюсь.

— В чём?

— В том, что не сдаётся.

Эклин посмотрел на него долго. Потом сказал то, чего не говорил за всю их совместную вечность:

— Сдавайся раньше, Лорн. Пока сдаваться дешевле.

— Ты знаешь, — сказал Лорн, — ты второй, кто мне сегодня предлагает капитуляцию. Первый — книга. Она открывается и закрывается, открывается и закрывается. Как будто дышит.

— Книга не дышит. Дышишь ты.

И ушёл в тишину — той особой, ночной, которую Изнанка выдаёт вместо молчания.

Сцена 4. Дуэль за один день

Утро началось с удара: в девять ноль-ноль, в начале эфира, у Карины погасла линия связи. Старая история, знакомый сбой, ничего личного.

В 09:01 Лорн развёл тучи над серверной провайдера — просто сдвинул на метр влажную ночь над городом — и линия ожила. Карина, не поняв причины, усмехнулась: «Ну надо же». И приступила к работе как к военной операции.

Эклин ударил вторым: абонентке с третьего этажа, которая уже держала в руке кошелёк, пришла SMS от сына — «мам, не покупай ерунду, я всё вижу». Честное человеческое спасение, вручную, из реестра.

Лорн ответил тем, что мать в этот момент уснула. Телефон выпал из руки на одеяло. SMS осталось непрочитанным.

Массажёр был продан. Второй — тоже.

К полудню Карина поставила личный рекорд. К вечеру позвонила подруге и сказала голосом, от которого подруга на том конце молчала дольше обычного:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.